

Памятники Знаменского цикла: летописные и нелетописные нарративы XV века¹

И.С. Агафонов

Научный сотрудник института российской истории РАН.

Статья посвящена анализу особенностей нарративных летописных и нелетописных памятников XV века, посвященных новгородскому Знаменскому чуду.

Ключевые слова: Древний Новгород, икона Знамение, новгородская литература XV века, нарратив в летописании.

Для цитаты: Агафонов И.С. Памятники Знаменского цикла: летописные и нелетописные нарративы XV века [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №3. URL: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Agafonov.phtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)
 Agafonov I.S. The monuments of the sign series: Chronicles and uncronicals narratives of the XV century [Elektronnyj resurs «Jazik i tekst langpsy.ru», E-journal «Language and Text langpsy.ru», 2014. no. 3. Available at: <http://langpsy.ru/journal/2014/2/Agafonov.phtml> (Accessed dd.mm.yyyy)]

Новгородские события 1170 года – битва новгородцев с союзническими войсками нескольких княжеств во главе с войском сына Андрея Боголюбского Мстислава отразились в целом ряде разновременных летописных и нелетописных письменных памятников, а также в иконографии. Весь этот комплекс получил в научной традиции название Знаменского цикла.

Л.А. Дмитриев классифицировал литературные памятники, описывающие события осады Новгорода, разделив их на «проновгородские» и «антиновгородские». Первые имеют особо развитую литературную традицию: от современных событиям летописного рассказа (в Новгородской I летописи) – до творений Пахомия Лагофета и поздних текстов в Степенной книге и переработках XVII века [3, с. 95–147].

Самый ранний текст Новгородской I летописи (далее – НI) создан вскоре после событий. Здесь говорится о подходе союзных войск к городским стенам, приведен список ратей нападающей стороны: «придоша подъ Новѣгородъ Суждальци с Андреевицемъ, Романъ и Мъстиславъ съ Смольняны и съ Торопыцяны, Муромъци и Рязанци съ двема князьма, Полоцьскый князь с Полоцяны и вся земля просто Русьская». Далее названы князь новгородский Роман Мстиславич, посадник Якун, как предводители новгородцев. Упомянуто устройство острога вокруг города, дальнейшее противостояние: «И приступиша къ граду въ недѣлю на Съборъ и съездишася по 3 дни; въ четвертый же ден, въ среду, приступиша силою и бишася весь день; и к вечеру побѣди я князь Романъ съ Новгородъци, силою крестьною и святою Богородицею и молитвами благовѣрнаго владыкы Илие, мѣсяца феуаря въ 25, на святого епископа Тарасия, овы исѣкоша, а другыя измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша, и купляху Суждальць по 2 ногатѣ» [7, с. 33, 221].

Как можно видеть, здесь нет упоминания чуда от иконы Знамение, т. е. легенда еще не сложилась. Факт установления праздника Н1 не фиксирует, а называет лишь реальную дату битвы – 25 февраля.

¹ Работа выполнена в рамках поддержанного РФНФ проекта № 13-04-00010.

Предваряет этот рассказ сообщение о походе Даньслава на Двину. Согласно Н1, где ход событий изложен наиболее полно, новгородцы отправились за данью с двинян, но столкнулись с посланным против них полком Андрея Боголюбского, новгородцы одержали победу, взяли на двинянах «всю дань», а затем «на суждальскихъ смърдѣхъ другую». Можно полагать, что эта акция послужила одним из поводов осады Новгорода. Однако в ранних текстах об этом прямо не говорится. В более поздних памятниках поход на Двину уже определенно представляется основной причиной новгородского похода Мстислава Андреевича.

В летописях, восходящих к Краткому новгородскому летописцу (далее – КНЛ) – гипотетически восстанавливаемому их общему источнику начала XIV века – Рогожский летописец (далее – Рог), Новгородская Большаковская летопись (далее – НБЛ) и Летопись Никольского (далее – ЛН) – уже сложившаяся легенда о чуде от иконы. Рассказ содержит информацию об устройении острога вокруг Новгорода, вынесение иконы Знамение на городские стены, обстреле города суздальцами и чудесной помощи новгородцам от иконы. Примечательно, что датой битвы здесь названо не 25 февраля, а 27 ноября, дата праздника, установленного в честь чуда от иконы.

Однако более пристальное внимание в интересующем нас контексте стоит уделить тексту Новгородской четвертой летописи (далее – Н4), рассказ которой, по-видимому, сложился уже в XV веке. Сходная версия сюжета обнаруживается и в нелетописных нарративах того же столетия.

Собственно, Н4 отражает промежуточное состояние легендарной версии между кратким ее вариантом в КНЛ и окончательно оформившейся легендой, зафиксированной в нелетописных текстах.

Рассказ о битве 1170 г. читается в Н4 в статье 6677 г., которая представляет собой подборку рассказов о чудесах от икон (Владимирской иконой Божией Матери, затем Знаменской). Сам рассказ является компиляцией версий Н1 и КНЛ. В частности, заимствованным из Н1, касательно сюжета о двинском походе является то, что сообщение об этом походе включено в статью от 6677 г. (а не в статью предыдущего года).

В основном же повествование об осаде Новгорода Н4 следует версии КНЛ. О князе Романе говорится, что он «юн», а далее сразу сообщается, что архиепископ Иоанн и посадник Якун вынесли икону на острог: «...владыка Иоанъ, посадникъ Якунъ вынесоша икону изъ святого Спаса, съ Ильины улицы, святую Богородицу, на острогъ на Десятинѣ», – тем самым акцент сдвигается именно на их действия, причем действия эти отнюдь не военного характера. Компилятор механически соединил фразу о трехдневных переговорах из Н1 и пущенных стрелах из версии КНЛ, не пояснив даже, откуда именно были пущены стрелы: «и съездишася по 3 дни, въ 4-же день, въ среду, мѣсяца февраля 25, на память святого отца Тарасия, попустиша стѣлы акы дождь умноженъ на острогъ, и обратися икона лицомъ на градъ» [9, с. 163]. Так же далее соединяется описание чуда от иконы (по КНЛ) и сообщение о судьбе побежденных (из Н1): «и паде на нихъ тма на полѣ и ослѣпоша вси, и вышедше Новгородци овыхъ избиша, а иныхъ изимаша, а прокъ злѣ отбѣгоша, и продаваху суздальца по двѣ ногатѣ» [9, с. 163–164].

Но есть в Н4 и новации. Здесь впервые говорится о происхождении иконы: «вынесоша икону изъ святого Спаса, съ Ильины улицы», так же упомянут факт установления праздника: «Уставиша праздновати праздникъ Знаменію святѣй Богородици, мѣсяца ноября 27, на память мученика Іакова Перьскаго». Надо сказать, текст Н4 содержит обе даты: дата битва названа верно: «въ 4 же день, въ среду, мѣсяца февраля 25, на память святого отца Тарасья, попустиша стрѣлы акы дождь умноженъ на острогъ» [9, с. 164].

Из КНЛ Н4 унаследовала упоминание 72 князей, подступивших к Новгороду.

Л.А. Дмитриев дал классификацию всех нелетописных текстов, выделяя среди них

группы. Первая группа представляет тексты, как правило, содержащие в названии «Слово» («Слово о Знамени...», «Слово на Знамение...»), условно этой группе дается название «Слово». Вторая группа, по тому же принципу, условно названа «Воспоминание». Отдельно выделен текст, содержащий компиляцию «Слова» и «Воспоминания» – так называемая Сводная редакция. Отмечены авторские переработки XVII в., в том числе редакция Грамотина. Помимо этих общих групп ученый называет памятники неповествовательного характера – также «Службу Знамени» и «Слово похвальное Знамени» [3, с. 110–147].

Нелетописные источники содержат более пространные по сравнению с летописными литературные тексты, построенные в соответствии с жанром, в котором работал автор. Наследуя фактический материал летописной версии Н4, они содержат и прочие, по всей видимости, домысленные составителем, детали, уже полностью отрываясь от традиции воинских повестей, переводя повествование целиком в пласт сказаний о чудотворных иконах.

В целом, «Слово» по содержанию близко к рассказу Н4 с расширенным сюжетом об обретении чудотворной иконы. Образ архиепископа становится центральным. Князь Роман упоминается только в самом начале текста, посадник не упоминается вовсе. Внесены в повествования ранее не встречаемые мотивы: архиепископ молится три ночи в своей келье, на третью ночь ему дан глас, велящий вынести икону на забрала; икона не дается в руке посланному за ним диакону, но после молитвы архиепископа (молитва приведена в тексте) сама движется и дается ему в руки; наконец во время обстрела, из глаз обернувшейся на град иконы текут слезы.

Совпадает в «Слове» и Н4 и ряд фактических деталей. В первую очередь, это перечень участников похода Мстислава:

Н4	«Слово»
Суздальцы	Суздальцы
Смолняны	Смолнаны
Рязанцы	Расанцы
Муромцы	Муромцы
Торопчаны	Полоцаны
Полочаны	Торопцаны
	Переяславцы
	Ростовцы

Вообще этот перечень довольно вариативен ($H1 \neq H4 = \text{Соф1} \neq \text{Тв} \neq \text{ЛА}$) [6, с. 203–204], поэтому такое совпадение может служить основанием для предположения о генетической близости текстов. В остальном очевидной текстуальной близости «Слова» с летописными редакциями нет, за исключением некоторых общих для большинства летописей мест, имеющих сюжетную значимость, либо ставших, может быть, устойчивыми выражениями, как, например: «и оттоле отъяся честь суждальская и слава» или «продаваху суждальць по 2 ногатѣ». Примечательно, что в некоторых случаях «Слово» включает сообщения, отражающие версию Н1. Так в КНЛ и Н4 отсутствует сообщение о вооруженном приступе суздальского войска к стенам Новгорода:

Н1	Н4	«Слово»
----	----	---------

Въ четвертый же день въ среду приступиша силою и бишася всь день [7, с. 33]	Въ четвертыи же день, въ срѣду мѣсяца февраля 25 на память святаго отца Тарасья, попустища стрѣлы, аки дождь умноженъ на острогъ [9, с. 163]	Начаша приступати вси полкы русьстии къ граду [6, с. 333]
--	---	--

Е.Л. Конявская замечает, что время создания «Слова» и Н4 практически совпадают, соответственно, можно рассматривать возможности восхождения одного к другому либо наличие общих источников. Однако, «Слово» едва ли является первичным, поскольку посадник Якун, который фигурирует в Н4, не упоминается в его тексте. Сомнительно и наличие общего источника, поскольку, как было показано, Н4 имеет сложную компилятивную структуру, каждый из компонентов имеет летописное происхождение, и они уже выявлены [4, с. 77–78]. Можно ли однозначно утверждать, что «Слово» восходит непосредственно к версии Н4?

В «Слове», видимо, как и в Н4, есть восходящее к Н1 описание битвы, отсутствующее в версии КНЛ (исключение составляет ЛН, но, как указывала Е.Л. Конявская, эта летопись содержит поздний текст, испытывавший вторичное влияние Н1 или сходного текста [4, с. 73]):

Н1	Рог	НБЛ	ЛН	Н4	«Сло во»
Овы исѣкоша, а другыя измаша, а прокъ ихъ злѣ отбѣгоша [7, с. 33]	И вышедшее новгородъц и, побѣдиша суждальцев ъ [9, стб. 22]	Новг ородъци же, вышедъ, побиша суждальцевъ [8, с. 352]	Новго родъци же выехавше из града, и биша суждальцев на полѣ, а иныхъ живыхъ поимаша. [9, с. 589]	И вышедше новгородъци овыхъ избиша, а инихъ изимаша, а прокъ злѣ отбѣгоша [0, с. 163]	И изидоша на поле, овы избиша, а прочиа изимаша руками [6, с. 334]

В пользу некоего родства «Слова» с Н4 говорит и упоминание церкви Спаса на Ильиной улице. Ни Рог, ни НБЛ, ни ЛН ее не упоминают.

«Воспоминание о Знамени пресвятой Богородицы» имеет несколько иную модель повествования. Совпадая по фабулесе «Словом», «Воспоминание» представляет собой качественно иной текст. Здесь другие обороты, другие акценты. Текст куда более пространен и содержит ряд уточнений и объяснений собственно новгородских реалий. Так, в описании похода на Двину особо сказано: «ѡметнувшеса оубо ѡбычную дань дати Новуграду, но предавшеса кѣзю Андрѣю», – и упомянут обычай посылать с данниками «ѡ пати коньцевъ по сту мужъ» (РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 397). По всей видимости, составитель рассчитывал на читателя не новгородского, незнакомого с некоторыми подробностями новгородской жизни.

Перед словами о вынесении иконы на острог «Воспоминание» приводит еще одну молитву Богородице, которой нет в «Слове». Когда икона взята из церкви Спаса двумя диаконами, «сам же послѣдовавше с прочим народомъ» (РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 399 об.), совершая молебен:

«Видѣвше противных, ꙗко же звѣри, на на оустремляющихся, оумиленны глас с плачем испущааху, глаголющее: Виждь, Дево Богородителнице, смиреніе наше и не ѿрини моленіа нашего вконецъ, но оумилосердися на стадо Твое, Пречистаа, видиши, Владычице, нещаднаго ихъ стремленіа на смиренное Ти стадо» (РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 400).

К числу аллюзий на библейские сюжеты добавлены сравнение суздальцев и новгородцев с Голиафом и Давидом: «...ратныи же шни надѣющеса на множество силы своеа, ꙗко же и гордыи шнѣ Голіафъ зра кроткого Давида юностію шбложена и не рассуди божественную силоу, нѣ шбаче самъ побѣжденъ бысть, нежели побѣди, такожде и си на се надеждов възложьдше, а не на Бога...» (РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 400). В том же ключе идет сравнение слез от богородичного образа – с «Едемским источником»: «вида же архиепископъ слезы ѿ иконы ꙗко же нѣкыи Едемьскыи источник» (РГБ. Ф. 304. I. № 501. Л. 400 об.).

В этой версии новгородцы превозносятся, обостряются грани их конфликта с Суздалем.

В целом, текст «Воспоминания» отличается композиционно и является куда более дидактичным, нежели «Слова». Переработка текста, по всей видимости, преследовала цель пропаганды новгородского культа Знаменской иконы за пределами Новгородской земли.

Л.А. Дмитрием отмечал, что «Воспоминание», в совокупности текстов, представлено двумя вариантами: кратким и полным. Корпус текстов полного варианта, в свою очередь, разделялся ученым на два типа, обозначенных им как А и А1. Приводим список типичных отличий вариантов А и А1, по Л.А. Дмитриеву:

А1 не называет Даньслава Лазутинича: «Новгородци же совещахшеся и данника по обычаю на предреченную двину послаша, Данислава Лазутинича, и с ним от пяти концев по сто муж». Подчеркнутых слов в А1 нет.

Перечисления пришедших под Новгород войск отлично: «И торопчане, ярославци, и переславци, и ростовци со всеми князми их, и вся земля Руская». Выделенного текста в А1 нет.

А упоминает Новгород и определяет время прихода ратей под его стены: «И пришедше суздальцык Новугороду со всею силоюна Збор, и стояша под городом три дни». Подчеркнутого текста в А1 нет.

А упоминает шестую песню молебна: «И яко же сконча молитву, начаша пети молебен,и по шестой песни поюще кондак “Заступнице христианом непостыднаа”» В А1 Выделенного текста нет.

В А присутствует сообщение о вынесении иконы на острог: «Видиши бо, владычице, нещаднаго их стремления на смиренное твое стадо. Сия же рек, и несоша икону на острог, иде же ныне есть монастырь святыя Богородица на Десятине». В А1 выделенного текста нет.

А наследует из «Слова» риторическое рассуждение о слезах от иконы: «О, великое страшное чюдо! Како се можаще быти от суха древа? Не слезы бо суть, но являеть знамение своеа милости. Сим бо образом молится святая Богородица Сыну своему, Богу нашему за град наш – не дати в потребление супротивным. Тогда Господь Бог нашъ умилиосердися на град наш молитвами святыя Богородица». В А1 этого текста нет.

А1 дает сокращенную экзегезу: тьма, павшая на суздальцев, - тьма Египетская: «яко же иногда Египет». Вариант А более полно раскрывает это параллель: «яко же бысть при Моисеи, егда бо Господь проведе жидов сквозе Черьмное море, а фараона погрузи. Тако и на сих наведе трепет и ужас и ослепша вси».

Очевидно, что вариант А1 по сравнению с А выглядит сокращенным. Учитывая их текстуальную близость, возникает вопрос о первичности того или иного варианта. В А1 некоторые элементы текста или опущены или пересказаны в общем виде. Так, перечисления

союзником Мстислава Андреевича в краткой версии нет, молитва Иоанна перед иконой в Спасской церкви сокращена до первой фразы, а вся развязка сюжета представлена общей фразой: «И вышедше из града, овых избиша, а иных живых емше. Богатством же и пленом довольно исполнившеся, помощью святых Богородицы. Богу нашему слава». Можно предположить, что вариант А1 является промежуточным между полной и краткой версиями «Воспоминания». Л.А. Дмитриев, однако, решает этот вопрос иначе: «Во всех семи случаях тексту А, отличающемуся от А1, имеются соответствия в “Слове”. Можно поэтому думать, что первоначальным видом “Воспоминания” был текст типа А1, в который затем, при сверке его со “Словом”, были сделаны вставки из “Слова”». Затем ученый подтверждает эту версию рассуждением о 5-м отличии А от А1: «В группе А “Воспоминания”, где эта фраза есть, она находится между молитвой Иоанна о смирении новгородцев (в “Слове” этой молитвы нет) и фразой о гордости и самомнении суздальцев. Здесь эта фраза не на месте и при внимательном чтении текста воспринимается как вставка. Можно думать, т.о., что первоначален текст “Воспоминания” вида А1» [3, с. 119].

Учитывая, отмеченную Л.А. Дмитриевым явную текстуальную связь между «Словом» и кратким вариантом «Воспоминания» [3, с. 116-117], где разночтения с полным вариантом «Воспоминания» так же являются заимствованиями из «Слова», надо полагать, что именно вариант А1 полной версии «Воспоминания» дал начало и варианту А, и кратким редакциям.

В научной литературе рассматривалась возможная причастность Пахомия Логофета к созданию текста типа «Воспоминаний» в том виде, в котором мы их имеем. Ему же атрибутируется создание «Службы Знамени».

В.М. Яблонским изучалось творчество Пахомия Логофета в новгородский период. Учитывая, что уже в ранних списках «Службы» каноны ее приписаны авторству Пахомия: («Творение священноинока Пахомия Логофета» [3, с. 123]), Яблонский вносил уточнение: «Вряд ли Пахомий был первым автором службы. Чудо совершилось задолго до прибытия ритора на Русь, давно составлено было и сказание о знамени, что показывает, что празднование его началось раньше Пахомия» [13, с. 152]. Т. е. празднование без службы просто не могло бы существовать.

Таким образом, надо думать, что служба существовала ранее, а Пахомий переработал старый текст, возможно, весьма существенно. В противном случае, если бы Пахомий был автором первоначального текста службы, особое указание авторства канонов было бы излишним. Принимая во внимание тот факт, что Пахомий был приглашен в 30-х годах XV века архиепископом новгородским Евфимием II специально для литературной деятельности, способствующей созданию культа собственно новгородских святых, допустимо предположить, что помимо добавлений к «Службе», ритором был переработан ее текст целиком.

В пользу того, что не только «Служба», но и «Воспоминание» написано Пахомием, говорят идентичные фразы и обороты, встречающиеся и в «Службе» и в «Воспоминании»:

«Служба»	«Воспоминание»
Что убо мужие великаго Новаграда видевше себе противными обстоима ниоткуда же помощи надеющися, токмо тебе, Пречистая, глаголюще: «Виж, Богородице, беды раб своих, и не отрини моления наша вконец»	Великаго же Нова града человеци слышавше силу велику грядущу на них бяхув скорби велице и в недоумении, ниоткуда же помощи надеющися, токмо всю надежу на Бога и на Пречистую Его Богоматерь возложивше. Вижь, Дево Богородительнице смирение наша, и не отрини моления нашего вконец.

...греховною бо тмою очи помрачивше и друг друга яко спротивна зряще, оружием немилостиво себе оуязвляху.	Покры же их, рече, тма... ...и друг друга яко супротивна зряще, оружием немилостиво себе уязвляху.
Чюдная победа и дивное одоление: ...безоружны оружных побеждааху [2, с. 600-637].	По сем Бог победу дивную сущим во граде безъ оружа и без брани.

Это совпадения служат основанием предполагать принадлежность «Воспоминания» перу Пахомия Логофета [3, с. 125].

Нарративы XV века не упоминают даты битвы, но прямо указывают на установление праздника на 27 ноября. Говорится, что праздник установлен архиепископом, но имя его не приводится. Эта информация дается отдельной фразой в самом конце текста. Причем, если свидетельства летописей, восходящих к КНЛ, порой просто содержат дату 27 ноября, как дату битвы, то нелетописные нарративы говорят именно об учреждении в этот день празднования иконе и именно в связи с избавлением Новгорода от врага. Ср.:

Рог: «новгородци побѣдиша суждалцевъ ноемврия 27 молитвами Святыя Богородица» [10, с. 22];

НБЛ: «Новгородцы же, вышед, побиша суждалцевъ ноября въ кѣз мѣтвами Сѣтыя Бѣдца» [8, с. 352];

Н4: «Уставиша праздновати праздникъ Знаменію святѣй Богородици, мѣсяца ноября 27, на память святаго мученика Іакова Перьскаго» [9, с. 163-164];

«Слово»: «святый же архиепископ Іванъ створи праздникъ свѣтелъ, начаша праздновати всимъ городомъ честному знаменію святы' Богородица» [6, с. 334];

«Воспоминание»: архиепзкпъ сътворивъ тои дѣнь праздникъ свѣтелъ гѣля се дѣнь иЗбавленіа (РГБ. 304. ф. I. № 501. Л. 401 об.).

К моменту создания этих текстов факт существования культа уже бесспорен. Характерно, что сам сюжет легенды коррелирует с сюжетом Влахернского чуда. Так обнаруживается близость гомилий патриарха Фотия и молитвы архиепископа Иоанна-Илии, приведенной в «Слове»:

IV гомилия патриарха Фотия	«Слово о Знамении»
Когда мы воодушевлялись надеждами на Матерь Слова и Бога нашего... к ее покрову прибегали как к стене нерушимой, та пречестная риза ...ограждала нас...[11, с. 309—310].	...ты бо Еси ипованиЕ наше и надежда наша и Заступница граду нашему. стѣна и пристанище и покровъ всимъ крзтьаномъ...[6, с. 331].

Обращение иконы на град после попадание в нее стрелы повторяет свойственный византийской традиции мотив движения чудотворного образа (ср. Богоматерь Римская (Лиддская)). Если в рассказах версии КНЛ этот мотив лишь обозначен, то в нелетописных произведениях Цикла он получает развитие. Обращение иконы ликом к городу может быть истолковано как знак покровительства и заступления, и именно так это интерпретируется в рассматриваемых текстах. В «Слове о Знамении» «видѣ архиепископъ слезы, текуща от иконы, и приять въ фелонъ». И далее поясняется: «симъбообразомъ молится святая Богородица сыну

своему и Богу нашему за град нашъ — не дати в поругание супротивнымъ». Развивается в «Слове» и мотив движущейся иконы: как икона Богоматери Римской сама движется и дается в руки папе римскому, так и Знаменская икона «подвижеся... сама» и дается в руки новгородскому владыке.

Здесь имеет место и присущий сказаниям о чудотворных иконах мотив не просто движущегося, но и активно действующего образа: Знаменская икона избирает святителя-праведника, дается в руки ему после молитвы, после конкретных слов кондака «Заступнице крестьяномъ непостыдная». Можно вспомнить Сказание о Владимирской иконе, где чудотворный образ сам избирает Андрея Боголюбского, поразив и восхитив его: «си же икона, яко прешла бѣ всѣх образовъ» [11, с. 504]. Ее чудеса в Вышгородском монастыре также были связаны с движением, когда икона сама определяла, где ей быть. Согласно легенде стремление иконы переменить свое местоположение реализовалась в переходе ее из киевского монастыря во Владимирскую землю к Андрею Боголюбскому. Подобные примеры обнаруживаются в рассказах Киево-Печерского патерика и в других произведениях этого жанра. [5, с. 473–474].

Принципиально отличается от летописных рассказов в «Слове» и «Воспоминании» изображение поведения новгородцев. Если в Н1 новгородцы «сташа твърдо о князи Романѣ о Мъстиславлици» и бились с противником «всь день», то в поздних нарративах они предаются унынию: «печалны быша въ скорбѣ велици и сѣтовании мнозѣ», — и лишь молятся о спасении, не предпринимая шагов к боевым действиям, и не надеясь победить: «новгородци вси бяху за острогомъ, не можаху противу стати, но токмо плакахуся кождо себе свою погыбель видяще, понеже бо суздальци и улици раздѣлиша на свои городы». Такая трактовка помогает подчеркнуть чудесный характер победы, которая будет дарована смиренным жителям Новгорода. Как можно видеть, один и тот же сюжет в воинской повести и близком к агиографической традиции Слове обнаруживает кардинальные отличия.

Наличие отмеченных выше совпадений с византийской традицией литературных мотивов на фоне связи с ней же самого образа [1] может поставить под сомнение тезис о продолжительной устной истории легенды. Легенда в завершенной ее форме, зафиксированной в нарративных источниках XV в., обнаруживает жанровое родство со сказаниями о чудотворных иконах и агиографией.

Так, в почти неизменном виде этот сюжет вошел в Житие Иоанна Новгородского, написанного несколько позднее. Первая часть «Сказания» – двинской поход Даньслава – в Житии отсутствует. В остальном, по замечанию Л. А. Дмитриева, сюжет знамения наиболее близок к полному варианту типа А1 [3, с. 131–134]. Контекст, в который включен сюжет, выходит уже за сугубо региональные рамки, но сохраняет проновгородскую направленность, а пафос смещается в план общехристианской морали: осуждение вражды единоверных, помощь Богородицы на нее уповающим. Отсутствуют финальные фразы о том, что «отъяся честь суждалская» и о том, что «продаваху суждальцев по две ногате», — уже не акцентируется торжество победителей-новгородцев над потерпевшим поражение противником. Фраза о установлении праздника архиепископом дополнена предписанием праздновать его «всем христианам».

Л. А. Дмитриев замечает, что «наряду с этими изменениями, снявшими местный, новгородский характер и придавшими сюжету о знамении новгородской иконы общерусский смысл, в житийной редакции ярче выступает образ архиепископа Иоанна, сильнее подчеркивается его значение в чуде» [3, с. 135]. Так, говоря о том, что новгородцы возложили надежду на Бога и Богородицу, автор жития добавляет: «и на святого надеющееся» (имеется в виду владыка Иоанн). А после того, как Иоанн поведал народу о божественном гласе, и народ славит Господа и Богородицу, добавлено «и святого блажаше».

Литература

1. *Агафонов И.С.* «Знаменское чудо» в новгородских летописях: истоки становления культа // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2013. № 4(54). С. 5–11.
2. *Гордиенко Э.А.* Варлаам Хутынский и архиепископ Антоний в житии и мистериях. М.; СПб., 2010.
3. *Дмитриев Л.А.* Житийные повести русского севера как памятника литературы XIII–XVII вв. 1973.
4. *Конявская Е.Л.* Об этапах формирования легенды о Знаменской иконе // Особенности российского исторического процесса. Сб. статей памяти академика Л. В. Милова. М., 2009. С. 68–86.
5. *Конявская Е.Л.* Византийская чудотворная икона в Древней Руси: проблемы восприятия // Герменевтика древнерусской литературы. Сб. 15. М., 2010. С. 473–489.
6. *Лосева О.В.* Жития русских святых в составе древнерусских прологов XII – первой четверти XV вв. М. 2009.
7. *Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов* / под ред. Насонова А. Н. М.; Л., 1959.
8. *Новгородский исторический сборник.* СПб., 2005. Вып. 10 (20).
9. *Полное собрание русских летописей.* Пг., 1915–Л., 1929. Т. IV. Ч. 1. Вып. 1–3.
10. *Полное собрание русских летописей.* Пг., 1922. Т. 15. Вып. 1.
11. *Чудотворная икона в Византии и древней Руси.* М., 1996.
12. *Шалина И.А.* Реликвии в восточнохристианской иконографии. М., 2005.
13. *Яблонский В.* Пахомий Серб и его агиографические писания. СПб., 1908.

The monuments of the sign series: Chronicles and uncronicles narratives of the XV century

I.S. Agafonov,

Researcher of the Institute of Russian history of Russian Academy of Sciences

The article is devoted to the analysis of features of narrative Chronicles and non-chronicle monuments of the XV century, dedicated Novgorod Znamenskii miracle.

Key words: Ancient Novgorod icon of the Sign, Novgorod literature of the fifteenth century, the narrative in Chronicles.

References

1. 1. Agafonov I.S. «Znamenskoe chudo» v novgorodskih letopisjah: istoki stanovlenija kul'ta // Drevnjaja Rus'. Voprosy medievistiki. 2013. № 4(54). S. 5–11.
2. Gordienko Je.A. Varlaam Hutynskij i arhiepiskop Antonij v zhitii i misterijah. M.; SPb., 2010.
3. Dmitriev L.A. Zhitijnye povesti russkogo severa kak pamjatnika literatury XIII–XVII vv. 1973.
4. Konjavskaja E.L. Ob jetapah formirovanija legendy o Znamenskoj ikone // Osobennosti rossijskogo istoricheskogo processa. Sb. statej pamjati akademika L. V. Milova. M., 2009. S. 68–86.
5. Konjavskaja E.L. Vizantijskaja chudotvornaja ikona v Drevnej Rusi: problemy vosprijatija // Germenevtika drevnerusskoj literatury. Sb. 15. M., 2010. S. 473–489.
6. Loseva O.V. Zhitija russkih svjatyh v sostave drevnerusskih prologov XII – pervoj chetverti XV vv. M. 2009.
7. Novgorodskaja pervaja letopis' starshego i mladshego izvodov / pod red. Nasonova A. N. M.; L., 1959.
8. Novgorodskij istoricheskij sbornik. SPb., 2005. Vyp. 10 (20).
9. Polnoe sobranie russkih letopisej. Pg., 1915–L., 1929. T. IV. Ch. 1. Vyp. 1–3.
10. Polnoe sobranie russkih letopisej. Pg., 1922. T. 15. Vyp. 1.
11. Chudotvornaja ikona v Vizantii i drevnej Rusi. M., 1996.
12. Shalina I.A. Relikvii v vostochnohristianskoj ikonografii. M., 2005.
13. Jablonskij V. Pahomij Serb i ego agiograficheskie pisanija. SPb., 1908.